

чики такіе наміщені; для богатырського товару на кузьминній палкѣ стоить самій динний рядъ рубчиковъ. И спирать эти рубчики Кузьмѣ приходится рѣдко, а все чаще приходится, перекрестясь, новые наризывать: такая эта кучка несчастливъ! Правда, позাপрошую зиму, когда Кузьмѣ выпало на долю горькое мастерство — стереть на своей палкѣ немного меньше половины всѣхъ рубчиковъ — ну тогда и богатырской рѣзки поменьшало пальца на два. Богатырскій товаръ отличенъ отъ остальныхъ хуторянскаго: ягнята всѣ съ ленточками а волы да коровы съ деревянными колотушками подъ шеями. Далеко слышны, когда идеть по улицѣ богатырскій товаръ! колотушки стучать громко — какъ будто выбиваютъ въ воздухѣ имя богатыря громко и отчетливо. Ночью то варъ стерегутъ злыя собаки — ни у кого на хуторѣ не найдешь такихъ злыхъ собакъ, хотя у богатыря и кормятъ ихъ жирно. Зимой, если вѣтеръ отъ хутора, толстый ихъ лай за три версты слышно. За хатой у богатыря лучше чѣмъ у другихъ, да и въ хатѣ чопорнѣй. Одно — просторно и свѣтло, ну и убранство: передній уголь шпалерами оклеенъ; здѣсь иконы; есть фольгованъ есть и серебранныя, и всѣ въ югатахъ. Ниже, по бокамъ, картинки разныя наклеены: есть божественная, страшныя есть, есть и нестрашныя, а толькѣ смѣшныя — всякія. Сбоку отъ двери — шкафики; тамъ посуда и чашки стоятъ: ну, и самоваръ значить есть. Лавы видно каждый день смываються: на доскахъ всѣ сучки можно пересчитать: тоже и стѣны, полъ и печка — видн часто подмазываются — чистыя. Друга хата — та поменьше; тамъ стіпаються дѣтмъ муть много. Богатырскія

вась льчбынцу. Комментарий кажется излишним!

На этот раз в репортерской своей книжке мне все приходится говорить о больницах. Что сказать, например, про такую распорядительность конторы Богоугодных заведений. На излечение на Сабуровой даче находились сифилистики рядовой Руденко. Препровождал его в участок вместе с билетом, в котором сказано: «в случае болезни он имеет право на помещение в военный госпиталь, лагерь или гражданскую больницу за плато за лечение от интелданства», контора требует высказать деньги с Руденко.

ВНУТРЕННЯ ИЗВѢСТІА.

Заштатный г. Бѣлополье, харьковской губерніи, 15 февраля (*Корреспонденція „Южная Край“*). Прискорбно, но неудивительно, если крестьянин, темный человекъ оказывается часто большое довѣріе простой бабѣ-знахаркѣ нежели врачу; къ посѣдленію они быть можетъ и радъ бы обратится, да боятся и неуверѣнъ пойдетъ ли онъ къ нему—бѣднику. Но странно, что къ знахаркамъ-бабамъ обращаются и болѣе свѣдущіе люди, которымъ извѣстно какую массу за приносятъ такіа бабы своими лѣкарствами.

Вотъ фактъ продѣланный знахаркой у насъ. Въ первыхъ числахъ января заболѣла отъ простуды 12 лѣтняя дѣвѣца Б. Братъ больной, какъ служащій на блонюльской станціи желѣзной дороги, пригласилъ живущаго въ Сумахъ желѣзно-дорожнаго врача, который навѣдвалъ большую нѣсколько разъ и прописывалъ соответствєнные болѣзнь лекарства. Но женщина не

Заштатный г. Бѣлополье, харковской губерніи, 15 февраля (*Корреспонденція „Южна Край“*). Прискорбдо, но неудивительно, если крестьянскій, темный человѣкъ оказываетъ часто большое довѣріе простой бабѣ-знахаркѣ: несли врачѣ; въ послѣднемъ онъ бытъ можетъ и радъ бы обратиться, да бѣнтъ; и неуверѣн пойдеть ли онъ къ нему—бѣднику. Но странно, что къ знахаркамъ-бабамъ обращаются и бѣге свѣдущіе люди, которыхъ извѣстно какую массу за приносятъ такіа бабы своимъ лѣкарствами.

Вот факты продланный знахар-у у нас. В первых числах я-января заболела от простуды 17 л-летняя д-вица Б. Брат больной, как-служащий на белокопской стан-ции жел-знодорожной, пригласил жи-вущего в Сумах жел-знодорожного вра-ча, который навещал больную н-исколько раз и прописывал соответственные ле-карства. В состоянии здо-ровья больной никакой опасности не-предвиделось, а между т-м она 22-числа умерла и 24 похоронена. Вра-ч, уз-навши о смерти своей па-циентки удивил-ся и по распросам узнал, что на-каунт смерти дано было бо-льшой какое-то другое ле-карство. Что же оказалось? Люб-е-мый брат умершей, недовольству-ясь доктор-скими ле-карствами, по совету разных ле-иц, отправился за советом к жи-вущей в деревн-и, вблизи Сум, знахар-к-баб, которая и дала ему пузырек ле-карства. Принявши этого ле-карства сто кап-ель, бо-льная на другой день от-дала Богу ду-шу в страшных муках. Вра-ч, отобравши пузырек с остат-ком ле-карства предположил нахо-жде-ние в нем ядовитого вещества и до-авил о том суд-бной вла-сти.

И вот 31 января труп умершей был вы-несен из моги-лы и вскрыт. Вскры-е произво-дил наш белокопский го-род-ой вра-ч и отнесся к этому д-лу со-вер-шенно серьезно. При вскры-ии оказа-лось, что в же-лудк-е, где про-шло ле-карство, образова-лись об-жиги; не-испарив-шееся ле-карство из же-лудка им-еет со-вер-шенно одинаковый ц-вет и запах с ле-карством, дан-ным знахар-ой ба-бой.

О за-явлении вра-ча ле-карство со-став-лено из бо-льшого рас-твора фос-фора смерть по-следовала от отрав-ления этим ле-карством.

У знахарки, виновницы в смерти несчастной д-вицы, най-дено и отоб-рано по-лицей мо-лодым раз-ным ле-карствам.

Обалтиса ли гдѣ у богатыря тынь *), или осядетъ уль очень — лафа для шарубоковъ и дивачи! Сейчасъ это съ довитостью такою „це — богатырский тынь“! Свиня ли Сірого вываляется въ рази больше друтихъ — сейчасъ: „це — богатырская свиня“! Ну, и свѣхъ, и охотъ, малыя дѣти и тѣ хочотъ за оальшими: и тѣмъ будто радостно и пріятно, что богатырский плетень уналь оокожъ, а свиня прошла по уаинѣ такою, что даже на свинью не похожа, скорѣе на кучу грязи.

Пастухъ Кузьма тоже исподтишка уасаль богатыря... Но прежде мы нѣсколько словъ о Кузьмѣ. Богатыря его зазывала „одноглазымъ“ и „слынянымъ“. У Кузьмы дѣйствительно на одномъ глазу было бѣзмя, и другой — аки грѣхъ воидася за нимъ, хотя пастухъ горячо и отвергалъ его (всегда при томъ утирая губы рукавомъ)... За все паство онъ получалъ двадцать дублей на годъ, свитку да черевни. И родичей никакихъ, ни хаты своей Кузьмы не было, — значить „самъ со. і. панъ“ — какъ онъ говоритъ. Правда, панъ онъ не Богъ знаетъ какой: витка вся въ латкахъ, папка такая, то давно уже годится богатырю въ адъ воробьевъ пугать; за то вольный человѣкъ: сегодня у хуторянъ, завтра у пана. Всякій приметъ Кузьму. Онъ состарѣлся въ пастухахъ; пеносилъ и бури, и непогоды. Жінки Кузьмы пить и никогда не было, немоу его обманъ и златать, — развѣ только сжалится кто. Кузьма несчащанный человѣкъ. Откуда Кузьма родомъ, гдѣ жилъ прежде — на хуторѣ мало кто зналъ, да и не интересовался. Богатыря говорила, что на него нужно очаче оглядываться: у человѣка ни ола ни двора на хуторѣ, одна сумка

*) Тынь — пестень.

...мера развиваться, чтобы не оставить
лечебницы, не лишним считаю обра-
тить внимание медицинского общества
на § 23, по которому больные, им-
ющие средства покупать лекарства на
личной счет, получают от врача толь-
ко рецепты; не имеющие же — полу-
чают лекарства из аптечки, или
из аптек городских аптек, на
имеющихся в аптечке. Такие выражения
как *имеющие средства*, не *имеющие*
средств черезвычайно общи, а они им-
еют далеко не малое значение как
для больных, так и для материаль-
ных средств лечебницы.

И уже как то раз говорили об
Александровской больнице, теперь счи-
таю уместным обратить внимание того,
какому же входить на такие
вопросные факты, как выписка из
лечебницы, по приказанию врача, людей
не только не выполн выздоравливающих,
но еще совершенно больных. Чтоб
не быть голословным привожу дан-
ные. 24 февраля выписан из Алек-
сандровской больницы Яковлев и пре-
доставлен в 4-й участок с пред-
писанием выписать с него 5 рублей.
Прибыв в участок Яковлев заявил,
что он еще болен, не имеет силы
выполнить, выписан по приказанию врача.
Был случайный в участок врач
Беллин напомил его *выполнить больным*
и Яковлев, того же числа, отправлен

МѢСТНАЯ ХРОНИКА.

Цены на продукты первой необходимости 28 февраля: мука пшеничная отъ 3 р. до 1 р. 50 к. за нудь; ржаная 1 р. 50 к.; гречневая отъ 3 р. 20 к. до 3 р.; масло коноплянное отъ 4 р. 80 к. до 4 р. 40 к.; масло подсолнечное 5 р. 60 к. за пуд; коровье фунтъ отъ 40 к. до 35 к.; ин-

Сегодня въ здании университета состоится первая публичная лекція В. К. Надлера, программу которой мы сообщили на дняхъ.

Изъ записной книжки репортера.

Въ отвѣтъ обывателю, нашедшаго, что авторъ замѣтки въ № 50 „не одобряетъ хорошою“ рекомендуемой мѣры, считаю нужнымъ сказать, что мысль объ организаціи общества приходила мнѣ раньше, чѣмъ г. обыватель, но вмѣстѣ съ тѣмъ я помнилъ о дѣятельности или лучше бездѣятельности всевозможныхъ уже существующихъ у насъ комитетовъ, а объ этомъ то вѣроятно и забылъ г. обыватель.

насть, и такой шкоды малому богат-
ренку не сдѣлать и во вѣкъ, пускай
онъ даже всѣ огороды потопчегъ,—
всѣ знаютъ, да то дѣлать? Ничего не
сдѣлаешь. Зайдетъ ли въ просо бога-
тырская корова—Кузьма будто и не
видитъ, затеплится ли свинья въ ка-
пусту—Кузьма не пелохнется, какъ бу-
до это такъ и нужно. Миръ плетъ
ему выговоръ, а онъ сейчасъ все ви-
ну на свой правый глазъ съ бѣльмомъ.
А вретъ: будто однимъ глазомъ и
неселъ уже замѣтить старую свинью!
просто онъ бонтясь богатыря, а еще
хуже—богатырки: та со всѣми своими
недругами сама любитъ киваться; и
мужъ не такъ какъ она. И не то что-
бы нѣкому тамъ какъ нибудь,—какое
тебѣ!—прямо на среди улицы, при
всѣхъ... Разъ-два-три!—ступай зало-
ваться въ волость... Пришло!—а тамъ
со старинной Гавриломъ Панкраты-
чемъ, сам богатырь уже сидитъ за
столомъ, чашъ пьетъ: мое, дескать, по-
чтеніе! сорокъ одно! зачѣмъ пожадова-
ли?—Не рука. Уже думше свиньи не-
привать, пусть ѣсть капусту—всей по-

«Да это что еще—ботва и картошка! Ты еще ничего, можно и внимания никакого не обратить,—за это больше бабы; а вот съез того рода как богатенький сталъ еще за прикарлика у пана Филина,—что самъ живеть „чортъ батыня зив де“, въучужих краяхъ,—вотъ тогда и мужикамъ стало несось,— „мыначевъ роті посодоило“.»

«Водопой!—тамъ, у пана (у хуторникъ ставка нѣгу, три года собираются обществомъ выпить свой—никакъ неосервется) —значитъ туда нужно тосовать да воды—а богатѣрь тамъ на-

Я уже как то раз говорил об Александровской больнице, теперь считаю уместным обратить внимание того, кому сие впадет надлежит на такие вопиющие факты, как выписка из больницы, по приказанию врача, людей не только не вполне выздоровевших, но еще совершенно больных. Чтобы не быть голословным привожу данные. 24 февраля выписаны из Александровской больницы Яковлев и препровождены в 4-й участок с предписанием вызвать с него 5 рублей. Прибыв в участок Яковлев заявил, что он еще болен, не имеет силы ходить, выписан по приказанию врача. Бывший случайно в участок врач Билин напомил его *выплате больным* Яковлеву, того же числа, отправлен

глядываешь. Захочешь—пустишь, захочешь—пѣтъ; захочешь загрѣбовать въ сѣтку вершу съ рыбой—загребутъ. На счѣтѣ земли и говоритъ нечего. Своей не хатаешь, у кого нанимать?—у пана Филина ближе всего: возить пѣдалю, опять же тутъ богатырь, его необминешь. Онъ довѣренный, ему поручено землю отдавать—ну и покороче значить. А покорѣ такой: какъ кто, такъ за одну десятину что разъ поспѣетъ, три десятины даромъ вылакай, собери когда поспѣетъ, да еще и въ такъ привези. Есть и уступка, да этому опять же богатырь причина. И не разберешь его: за своихъ онъ хуторянъ, или за пана Филина; больше видно за себя: у него на паньской усадьбѣ прибрѣтено своего уже не мало—„придѣлано чмало“. Своя клуна тамъ есть, ну а зачѣмъ же клуны стоять дурной?—негодитъ; богатырь тоже знаетъ, что это негодитъ. Панъ въ клуно не заглядываешь, да и въ усадьбѣ онъ годовъ пять какъ былъ; управляющій когда-никогда найзаваетъ, да съестъ чинное по чинной стрѣлѣ, съку-

Известное дѣло, что уже противъ богатства на хуторѣ собралось не мало; почти что во всѣхъ хатахъ онъ есть, невидю только, показаться можетъ: высоко себя поставитъ богатство своимъ богатствомъ и не передъ диними только хуторянами. Онъ и съ богатшюю отцомъ Алексѣемъ за руку, съ Гурьевымъ-рындакомъ*) за панибратство, и онъ только одинъ передъ баринскимъ крыльцомъ шаши никогда не принимаетъ. Гдѣ ужъ съ нимъ въ открытую играть! Развѣ вотъ изподтишка языкомъ уколото—это можно; хуторяне языковаты, а про бабъ и говорить нечего—тѣ ужъ известное дѣло...

*) Рындака—арендаторъ.

для чорных работ есть наймика Евдоха, та и коровь доить, и вь хлѣвѣ имь подчинять,—ну такъ гдѣ же богатырь побку свою замарать? волну развѣ правши; или когда-никогда вь косовищу спомъ носовищи? тамъ неза-маришь: тамъ чисто.

Семейство у Сирыхъ (это такое ихъ природное величание, только многие совсѣтъ его не знаютъ, *богатырь*—и шабашъ) семейство у нихъ порядочное, „чмѣе“—какъ говорятъ хуторяне, если объ этомъ ихъ кто спроситъ. Дѣдъ, что возъ то сидѣть на пасекѣ, въ дѣдомъ сейчасъ—сыни, Овдѣ и Грицько—парни уже взрослые; Овдѣ поменьше будетъ: только прошлымъ лѣтомъ онъ бросилъ пасти товаръ, Грицько старше; Грицько грамотный: онъ лѣтомъ у завѣзжика изъ города панчача „буквы запрашувать“. Ну и ничего—разбираетъ уже по гражданскому, написать что тоже можетъ; значить батьку помощь,—тотъ грамотѣй не знаетъ, и что нужно запомнить—палочками отъсчитаетъ,—вотъ какъ Кузьма свой товаръ... Галку—дѣвочку уже называлъ. Есть еще маленький Омелько... И допекаетъ же хуторянамъ это „богатыря!“ „Отъуись богатырицей солонихе всѣхъ прийшовъ“—жалуются на него хуторянскіе бабы, съ Гундаришо на придуку. Нѣтъ того чтобы смиро ему сидѣть на *прізбѣ*, или игратья,—давай ему бѣгать по огородамъ, топтать цѣбуло да картошку: такой уже уродился! Бабы потужать-потужать, порасправятъ „абы какъ“ стоптанную ботву, а богатыренка трогать не смѣютъ: батько его любитъ, рассердится, и всегда при случаѣ оплатитъ. Богатыря хорошо знаетъ, что его батька всѣ боится,—и никого на хуторѣ ухомъ не ведеть.

Всѣ хуторяне знаютъ, что шкody и отъ старого богатыря на хуторѣ про-

*) Гундыриа собственно—унтеръ-офицерша.
**) Юбка—родъ длинной кофты.

*) Рындак — арендаторъ.

и таковыя вмѣстѣ съ внутренностями отравленной препровождаются въ лечебную управу для излѣчѣнія.

Коль скоро дѣло это пошло въ руки судебной власти, то, нѣтъ сомнѣнія, всплывутъ наружу и другіе случаи смерти отъ дѣлствія этой знахарки, о чѣмъ уже и посягае слухи, и она, за свои безчеловѣчныя услуги больнымъ, дастъ Богъ, получить должное возмездіе еще и на этомъ свѣтѣ.

И сколько подобныхъ печальныхъ фактовъ совершается у насъ на Руси! Не пора ли, наконецъ, положить предѣлы врачеваніямъ знахарей бабъ и дѣдовъ, имѣющихся чуть не въ каждомъ селѣ.

Вѣдомость.

Г. Керчь, 15 февраля (корреспонденція „Южная Край“). Напѣ проливъ очистился отъ льда еще 30 января. Казалось бы ничто въ этомъ на первый взглядъ важнаго, а для Керчи этотъ фактъ имѣетъ огромное значеніе: возобновляется пародное сообщеніе съ Таманью (на кавказскомъ берегу), откуда не только Керчь, но и вся таверическая губернія получаетъ мясо и хлѣбъ; рыбаки могутъ свободно переправляться на среднюю Косу (между керченской крѣпостью и кавказскимъ берегомъ), гдѣ находятся лучшіе наши рыбные заводы; пароходы Русскаго Общества будутъ приставать къ городской пристани, а не останавливаться, какъ прежде, въ 8 верстахъ отъ города за крѣпостью, близъ такъ называемого Карантиннаго спуска, гдѣ приходилось кромѣ того совершать перѣѣзды на лодкѣ. Одинъ изъ мохъ знакомыхъ, желая отправить вещи на пароходъ въ Херсонъ, истратилъ 13 рублей и вещей все-таки не успѣлъ отправить.

Въ 20 числахъ января пароходъ воеводскаго общества „Астрахань“, съ опасностью для самаго себя, спасъ и привезъ въ Керчь до 30 рыбаковъ, затерявшихся льдомъ, вынужденными изъ Азовскаго моря въ Керченскій проливъ. Больше двухъ сутокъ люди были безъ пищи, ожидая ежесекунтно гибели и уже готовые броситься въ море, чтобы не рисковать по одиночѣ переправиться на берегъ.

Въ послѣднемъ январскомъ засѣданіи думы, городской голова заявилъ гласнымъ о пожертвованіи женою купца Е. А. Воробьевой 4,000 рублей на устройство ремесленной школы. Гласные поручили городскому головѣ лично передать ихъ благодарность жертвовательницѣ.

Въ концѣ же января, въ окрестностяхъ Керчи, на Азовскомъ берегу найдена глина, пропитанная нефтью (нѣчто въ родѣ асфальта), могущая съ успѣхомъ замѣнять каменный уголь. Для нашей мѣстности, гдѣ нѣтъ совсѣмъ дѣла, уголь доходитъ до 40 коп. за пудъ и болѣе, это открытіе имѣетъ громадное значеніе для бѣднѣйшей части населенія. Нѣтъ сомнѣнія, что эксплуатация этого топлива откроетъ для городской кассы новый источникъ налога.

„Journal de St-Petersbourg“ передаетъ, что министерство иностранныхъ дѣлъ готовится 15-го апрѣля праздновать двадцатипятилѣтній юбилей деятельности его сопотомства князя кавалера въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, и что на

этотъ предметъ открыта подписка между служащими. Лица, не принадлежащіе къ министерству, но желающіе участвовать въ этой подпискѣ, могутъ обращаться къ барону Фредериксу, директору департамента личнаго состава и счетоводства.

„Порядокъ“ сообщаетъ: Прибывшій вчера въ Петербургъ, знаменитый психіатръ докторъ Шарко посѣтилъ сегодня, въ среду, 25-го февраля, клинику баронета Вилье въ сопровожденіи профессора Мерзевскаго. Въ это время профессоръ Боткинъ читалъ студентамъ лекцію о тифѣ. Когда ему доложили о появленіи именитаго гостя, онъ прервалъ лекцію и взошелъ на кафедру слушателями, что будетъ продолжать лекцію на французскомъ языкѣ. Едва докторъ Шарко появился въ аудиторию, какъ раздались приветственные рукоплесканія студентовъ. Около получаса почтенный гость съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за живыми словами Сергія Петровича, а затѣмъ вмѣстѣ съ профессоромъ осмотрѣлъ въ подробности всю клинику. Вѣднѣе г. Шарко весьма симпатична, особенно лицо его дѣлается привлекательнымъ, когда на немъ появляется улыбка. Отъ роду ему около 60-ти лѣтъ, но по бодрому виду онъ кажется моложе. Въ Петербургѣ онъ находится проездомъ въ Москву, куда, какъ слышно, онъ вызванъ одной болѣзью для подавляющаго медицинскаго совѣта страдающей уже многие годы душевной болѣзью. Это посѣщеніе французскаго знаменитости, какъ говорятъ, оплачивается нашою соотечественницею значительными гонораромъ.

„Голосу“ телеграфируютъ изъ Кіева: Губернаторъ разрѣшилъ публичную панихиду по Шевченку. Чествованіе малороссійскаго писателя отложено до понедѣльника, 2-го марта. Разрѣшеніемъ этимъ мы обязаны сенатору Полозову.

„Нов. Вр.“ передаютъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что газета „Россия“, прекратившаяся вслѣдствіе несогласій между ея прежнимъ издателемъ г. Спицаковымъ и г. Демидовымъ княземъ Санъ-Донатомъ, вновь будетъ выходить съ наступающаго мѣсяца (марта). Издателемъ и вмѣстѣ редакторомъ „Россіи“, какъ еще раньше сообщалось по слухамъ, будетъ г. Веселитскій-Божидаровичъ. На первое время газета будетъ выходить одинъ разъ въ недѣлю, въ форматѣ еженедѣльныхъ газетъ, но за тѣмъ предполагается превратить ее въ ежедневную, какою она и была ранее.

„Голосъ“ сообщаетъ, что въ непродолжительномъ времени въ особомъ присутствіи Сената, въ предѣлѣхъ сенатора Ренненкампа, будетъ слушаться, въ силу особаго Высочайшаго повелѣнія, политическое дѣло по которому къ качествѣ обвиняемыхъ привлечено около двадцати человѣкъ. Разбирательство будетъ происходить въ зданіи общихъ судебныхъ учреждений.

„Моск. Тел.“ передаетъ нѣкоторыя подробности о предполагающемся „хрупостномъ путешествіи юбилейцевъ“. Принимающій въ этомъ дѣлѣ весьма живое участіе с.-петербургскій рѣчной „яхтъ-клубъ“, въ засѣданіи 14-го февраля, одобрилъ, какъ передаютъ „Новости“, программу плаванія,

какъ равно и планы и чертежи, касающіеся этого предпріятія. Для предстоющаго путешествія приобритенъ шведскій пароходъ, вполне удовлетворяющій условіямъ океанскаго плаванія. Число пассажировъ и служащихъ можетъ доходить до 120-ти человѣкъ. На пароходѣ будетъ оркестръ музыки, подъ управленіемъ содержателя фортепьянной школы, г. Кнуса. Въ числѣ пассажировъ находится вѣднѣе своими дебютами въ Лондонѣ, Парижѣ и Нью-Йоркѣ, пѣвица, г-жа Садовская, на условіи двухъ безплатныхъ еженедѣльныхъ концертовъ для пассажировъ. Выходъ парохода назначенъ въ концѣ іюля или въ первыхъ числахъ августа мѣсяца. Пароходъ посѣтитъ семьдесятъ портовъ. Подписка на это предпріятіе открывается 1-го марта и продолжается до 1-го іюня. Цѣны за мѣста въ лучшихъ ординарныхъ каютахъ въ рубль 7,500 р., въ обыкновенныхъ ординарныхъ 6,500 р., въ двойныхъ по 5,500 р., въ тройныхъ каютахъ по 4,500 р. Къ каждой изъ этихъ суммъ слѣдуетъ прибавить членскій взносъ въ яхтъ-клубъ за два года, такъ какъ каждый пассажиръ будетъ баллотироваться въ члены клуба. Число пассажировъ не можетъ быть менѣе пятидесяти.

„Мольвъ“ сообщаетъ изъ Смоленска, что тамъ появился новый административно-ссылный — ссыльпоселенецъ, человѣкъ похвальныхъ лѣтъ и семейный, сосланный за нетвердость въ православіи.

Изъ Херсона сообщаютъ въ „Сар. вѣстн.“, что убійство поручика Ермоленко становится загадочнымъ; артиллерійскій складъ найденъ въ исправности.

ОБОЗРѢНІЕ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Въ „Порядкѣ“ перепечатано интересное письмо графа Мольте о значеніи войны:

„Членъ общества реформы и кодификаціи международныхъ законовъ“, нашъ соотечественникъ г. Губаревъ, послалъ графу Мольте мемуаръ, въ которомъ опровергаетъ взгляды на войну, изложенные въ письмѣ къ профессору Бучачу. Графъ Мольте отвѣтилъ ему слѣдующимъ письмомъ:

„Берлинъ, 10 февраля 1881 г.

„Многочитаемый господинъ!

Вы были такъ добры, что прислали мнѣ мемуаръ, въ которомъ высказываете ваши воззрѣнія на великіе вопросы, стоящіе въ настоящее время на очереди, и дѣлаете мнѣ честь — спрашивать моего мнѣнія о нихъ. Я долженъ подтвердить мой прежній отвѣтъ о той точкѣ зрѣнія, съ какою вы смотрите на войну.

Но какому измѣненію, войнѣ — преступленію, по моему — единственному и правильному средству упорядочить благосостояніе, независимость и честь данной страны. Будемъ надѣяться, что съ быстрымъ развитіемъ цивилизаціи въ нашѣмъ вѣкѣ это правильное и единственное средство, именуемое войной, будетъ примѣняться все рѣже и рѣже, но на одною государству не дано возлѣстъ отъ него отступленію. Безъ человѣческой жизни, жизни всѣхъ народовъ, естественная борьба настоящаго съ будущимъ и единство народовъ не можетъ быть упорочено инымъ путемъ. Несомнѣнно, что каждая война, даже самая побѣдоносная, составляетъ бѣдствіе для страны, что никакое территориальное или денежное вознагражденіе не можетъ возмѣнить потерю чести, свободы, законности и тѣхъ семействъ, не если въ дѣлѣмъ мнѣ невозможно уберечься отъ несчастія, называемого необходимостью, то слѣдуетъ подчиняться воли Божіей и умирать терпѣливо, что готовитъ намъ земное существованіе. У войны есть своя хорошая сторона: она обнаруживаетъ великихъ людей, великіе характеры, которые безъ того остались бы совершенно неизвестными.

Конечно, легче насладиться упреками въ миротворчествѣ, чѣмъ искать средства къ его поведенію.

Мы желаемъ заимѣть дипломатію укрѣпленную изъ выборовъ отъ народовъ, чтобы уравнивать интереса націй и улаживать возникающіе ими раздоры, и такимъ путемъ извѣстныя отъ войны. Но я питаю гораздо болѣе горячую въ благородномъ и великодушномъ правительствѣ, чѣмъ въ такому аргументу.

Время произвольныхъ войнъ стало достояніемъ исторіи. Въ нашѣмъ столѣтіи едва ли

найдется серьезный человѣкъ, который придалъ бы на себя ответственность за объявленіе меча безъ крайней необходимости. Желательно, чтобы всѣ правительства были настолько сильны, энергичны, чтобы обуздывать страсти, возмущающія ихъ народы, и такимъ путемъ избѣгать войны.

Такъ какъ вы, мемуаръ въ особенности объявляетъ германское племя въ приростѣ къ войнѣ, то я прошу васъ прочесть исторію текущаго столѣтія. Изъ нея вы увидите, что Германия никогда не объявляла войны.

Германия достигла своей цѣли: объединенія. Для нея не существуетъ болѣе необходимости заигрывать новую, рискованную войну; но она должна быть постоянно готова въ оборонѣ. Я раздѣляю ваше желаніе, чтобы въ этомъ никогда болѣе не встрѣчалось надобности.

Что касается заключенія вашего почтеннаго письма, то я ничего не имѣю противъ напечатанія и вашего письма, и моего отвѣта.

„Совершенно преданный вамъ графъ фонъ-Мольте“.

Настоящее письмо интересно въ томъ отношеніи, что доказываетъ, что теоретическій вопросъ о войнѣ такъ исчерпанъ, что даже Мольте ничего новаго не могъ сказать. Мысль его, что война имѣетъ хорошую сторону, „ибо обнаруживаетъ великихъ людей, великіе характеры, которые, безъ того, остались бы совершенно неизвестными“, конечно, справедлива, если предполагать что безъ войны, не было бы совсѣмъ арены для проявленія сильныхъ характеровъ. Но мы въ этомъ сильно сомнѣваемся. Были герои-путешественники, герои филантропіи, герои въ сферѣ открытій. Линингтонъ и Миллс-Маклай менѣе известные герои, чѣмъ самъ графъ Мольте. Мы, напротивъ, позволимъ себѣ сказать нѣчто, совершенно противное тому, что сказано въ теоріи Мольте: если бы не было войны, то великіе характеры обратили бы свою дѣятельность на другіе предметы и были бы полезны для общества. Война между народами тоже, что дѣлаетъ между частными лицами. Но этотъ поединокъ между народами едва ли скоро исчезнетъ; война даетъ исходъ слишкомъ важнымъ внутреннимъ затрудненіямъ, даетъ арену слишкомъ сложнымъ интересамъ, чтобы она могла скоро исчезнуть.

Но слѣдуетъ избѣгать произвольныхъ войнъ.

И въ этомъ отношеніи графъ Мольте высказалъ мысль, достойную вниманія правительства: „Желательно, чтобы всѣ правительства были настолько сильны и энергичны, чтобы обуздывать страсти, возмущающія ихъ народы, и такимъ образомъ избѣгать войны“.

Что же касается поддержанія идеи войны ссылкой на природу, въ словахъ Мольте: „жизнь всѣхъ народовъ есть вѣчная борьба“, то если имѣется въ виду хищничество, замѣчаемое въ природѣ, то оно не можетъ служить образцомъ для человѣка. Natura non facit, сдѣланные природою, въ этомъ отношеніи, не обязательно для человѣка и даже противъ морали. Совершенство на каждомъ шагѣ въ природѣ, по справедливому замѣчанію Милля, есть, съ человѣческой точки зрѣнія, жестокость и преступленіе: въ природѣ господствуетъ похищеніе сильныхъ-слабыми. Но мы, люди, имѣемъ свои нравственныя идеи, рѣзко отличающіяся отъ инстинктовъ, которыми руководствуются хищные звѣри. Конечно, Германия, по своимъ стремленіямъ, въ настоящее время, должна опираться на идею о борьбѣ за существованіе.

Но кто объявляетъ такой принципъ долженъ быть всегда готовъ къ мысли,

что и онъ, согласно принципу naturam sequi, послужитъ для кого-нибудь добычей.

И такому побужденію даже не останется того уменьшенія, которое заключается въ апелліаціи къ справедливости. Ибо на справедливости не можетъ ссылаться тотъ, кто уѣвроваль въ заводъ Крупина и разочаровался въ морали Канта.

Въ „Голосѣ“ помѣщены замѣтки польскаго публициста подъ заглавіемъ „Обрушеніе или объединеніе“. Доказывая пользу для поляковъ единенія съ Россіей, авторъ замѣтокъ въ слѣдующихъ словахъ показываетъ непригодность настоящей системы обрушенія польскаго края, системы, отъ которой ждали весьма блаженныхъ результатовъ.

Всѣмъ хорошо известно, что примѣняемая нынѣ система, направленная противъ языка и національности, особенно сильно и чувствительно отънашивается на общественномъ, умственномъ и экономическомъ развитіи края, она не только не способствуетъ экономической дѣятельности, но парализуетъ ее. Однако, судьба народа не можетъ быть регулирована переходными, ненормальными положеніемъ, испытываемымъ нынѣшній историческій моментъ. Истинный политикъ, желающій указать руководящій путь свободѣ, долженъ, считаясь со всѣмъ исторіей народа, въ сферѣ въ будущемъ. Поэтому, мы глубоко убеждены, что нынѣшняя система, направленная къ истребленію нашей національности, система искусственная, переходная, опирается на недоразумѣніи и длится только силою собственного стремленія, не находя оправданія въ настоящемъ. Эта система должна прекратиться не только потому, что главная и, надобно сказать, исключительная задача ея — обрушеніе, неосуществима, но и потому, что послѣ 12-лѣтняго опыта, она оказалась губительною не только для края, но и для имперіи.

Въ „Мольвѣ“ напечатано:

Петербургскій корреспондентъ „Daily News“ сообщаетъ въ свою газету нѣсколько интересныхъ фактовъ, на сколько считаемъ это возможнымъ. „Я слышалъ изъ важнаго оффиціального источника, говоритъ корреспондентъ: — хотя не беру на себя ответственности за достоверность слуха, что здѣсь будто бы принимаются необходимыя мѣры для созванія редакціонной коммисіи, подобно той, какую мы имѣли въ виду, предположивъ, что освобожденію крестьянъ, когда въ каждой изъ 53 губерній Россіи были назначены мѣстныя коммисіи, а въ Петербургѣ была учреждена центральная коммисія, въ которую изъ каждой губерніи было отправлено по два депутата. Въ настоящемъ случаѣ редакціонной коммисіи будетъ предложено на обсужденіе вопросъ, въ какой формѣ представители народа могутъ принимать участіе въ разсмотрѣніи государственныхъ вопросовъ. Заранѣе определенныхъ заявленій о реформѣ дѣлать не желаютъ, и объявленіе о принимаемыхъ мѣрахъ къ опредѣленному сроку не приурочиваютъ. Очевиднымъ доказательствомъ, насколько увеличилась свобода слова и печати въ Россіи, могутъ служить факты, принятыя въ губернской собраніи петербургскаго земства и законодательнаго уѣзда во всѣхъ губерніяхъ. Если бы годъ тому назадъ кто нибудь рѣшился публично высказывать или печатать подобныя заявленія, то ему пришлось бы полатиться за это прокурокъ въ Архангельскъ или въ подальше“.

Несомнѣнно, что теперь дозволяется писать о такихъ вещахъ, одно упоминаніе которыхъ, еще годъ-два тому назадъ, вызвало бы репрессию.

Писнуть объ административной ссылкѣ, писнуть объ основанныхъ государственныхъ вопросахъ.

И что же? Общество совершенно спокойно, общественная безопасность гораздо обезпеченѣе, сама пресса начинаетъ привыкать къ свободѣ и дѣлается серьезнѣе, дѣловитѣе, умнѣе.

Десятки лѣтъ свободы, обезпеченной по европейски, и крайній мнѣнія, такъ безпокоившія русское государство, будутъ излѣчены старымъ домашнимъ спецификомъ — свободой.

Этотъ спецификъ излѣчиваетъ отъ всѣхъ болѣзней, и отъ бѣдности, и отъ дикости въ политическихъ мнѣніяхъ, и отъ антагонизма между правительствомъ и народомъ. Правительство, въ правовомъ государствѣ, крѣпнѣетъ, общество цивилизуется.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Англійская палата общинъ еще не закончила преній о ношеніи оружія въ Ирландіи. Представители этой страны въ парламентѣ не оставляютъ своей тактики и продолжаютъ тормозить дѣла. Деревья выходы и неуваженіе къ спикеру съ ихъ стороны не прекращаются. О’Доннелъ въ послѣднемъ засѣданіи былъ удаленъ за это изъ засѣданія.

Назначеніе Робертса главнокомандующимъ въ Наталѣ и Трансваалѣ, на мѣсто убитаго Коллея, принято въ Англіи съ удовольствіемъ. Это тотъ самый генералъ, который совершилъ удачное отступленіе изъ Кандара, окончившееся побѣдою англичанъ.

Парижскіе Кошеры, министръ почтъ и телеграфовъ, намѣренъ предложить новое уменьшеніе платы за письма. Въсѣсто 15 сантимовъ за доставку письма на всемъ пространствѣ Франціи будетъ взиматься 10 сантимовъ.

Кардиналъ-архіепископъ парижскій (Гиберъ) издалъ посланіе къ своей паствѣ по случаю поста. Отличаясь умѣреннымъ тономъ, оно содержитъ въ себѣ только одно мѣсто, касающееся настоящихъ отношеній между церковью и гражданскою властью. „Въ наше время сказано въ немъ, встрѣчаются люди, которымъ хочется заключить почитаніе Бога въ тайники совѣсти и изгнать его изъ общества. Эти нечестивыя попытки повторяются, въ различныхъ формахъ, въ теченіи вѣковъ. Псаломщикъ развѣ навсегда отвѣтилъ на нихъ такимъ пророческимъ словомъ: „зачѣмъ народы дрожали и языки задумали пустыя намеренія? Живущій на небесахъ разрушитъ ихъ планы и Господь предастъ ихъ посрамленію“. Это безвкусная водица — и только. На время поста правительство не издало общаго запрещенія для членовъ недовольныхъ конгрегацій говорить проповѣди въ церквяхъ на стояніи (station). Но ему не дождаться снисхожденія отъ клерикаловъ за эту снисходительность. Они ее не дѣляютъ. Поэтому случайно приводятъ поучительную страданію изъ рѣчи епископа Мермиллона, произнесенной на недавнихъ похоронахъ епископа Камбрийскаго. Сравнивъ, ни къ чему, ни къ городу (какъ говорятъ), жизнь кардинала Ренье съ жизнью Гамбетты, запальчиваго епископа послалъ по адресу президента палаты депутатовъ слѣдующую брань: „О негодный, низкій человѣкъ, котораго я не называю, но который всѣмъ извѣстенъ, какъ лицемеръ, обогатившійся грабежомъ, какъ герой разврата и поборова, можно ли сравнивать тебя съ вѣмъ-нибудь изъ святыхъ мужей духовенства, тебя, безстыдно выступившаго открытымъ врагомъ духовенства! Этотъ цѣлѣвъ духовнаго краснорѣчія, конечно, не занесенъ на страничку клерикальной прессы, но подлинность его удостовѣрена „ушами“ многихъ свидѣтелей.“

Весь Парижъ, артистически, учоный, литературный, политическій веселился на масляницы въ салонахъ Эдмонъ Адамъ, преобразившихъ съ большимъ вкусомъ и остроуміемъ въ таинственную деревенскую залу. Этотъ деревенскій праздникъ отличался необыкновеннымъ блескомъ, оригинальностью и увлеченіемъ. Костюмы и маски самыя разнообразныя и остроумныя.

Всѣмъ Парижъ, артистически, учоный, литературный, политическій веселился на масляницы въ салонахъ Эдмонъ Адамъ, преобразившихъ съ большимъ вкусомъ и остроуміемъ въ таинственную деревенскую залу. Этотъ деревенскій праздникъ отличался необыкновеннымъ блескомъ, оригинальностью и увлеченіемъ. Костюмы и маски самыя разнообразныя и остроумныя.

только да кѣтъ, — что ему становится сдѣлать что-нибудь такое... неподходящее? — какъ плынуть!.. Да и другіе хуторяне не развѣ это подумывали: недолюбливали они Кузьму; такой онъ неразговорчивый да бравадный, особенно когда голодный, или смеренный въ полѣ. Кузьма ходилъ согнувшись и смотрѣлъ всегда такъ, какъ будто его кто недавно полюбому ударилъ и у него еще отъ удара боль и злость не прошла. Трезвые хуторяне не особенно любили встрѣчаться съ Кузьмой, пьяные только съ нимъ заигрывали. Такъ вотъ Кузьма развѣ тоже вспомнилъ обиду. А обида эта была такая: онъ за пошлостью очень любилъ богатскую корову, и богатская заставила его при всѣхъ униженіи просить у себя прощенія, на смѣхъ всѣмъ хуторянамъ, даже дѣтямъ; а другая обида: богатцы прогнали его съ общественнымъ стадомъ отъ пашенскаго ставка, — прогнали, да еще надушили, называя варнагой *) и клешеномъ. У Кузьмы все закипѣло, но онъ стерпѣлъ; онъ умѣлъ сдерживаться, какъ ежаки псы до поры прятать. На другой день обидчивая свинья затесалась въ хуторянскіе конопляники. Кузьма приманулъ ее къ себѣ хлѣбомъ; уцѣпилъ за хвостъ, — и пока свинья съ оглаженнымъ видномъ носила его пополю — онъ избилъ на ней кнѣзю, выпустилъ ее живую, и такъ увлеклся бичеваніемъ, что подлѣ концѣ его уже не помнилъ — билъ ли онъ богатскую свинью, или уже самого богатскаго... А другой разъ жестоко досталось богатскаго — тому, что ботву да цибулю топчетъ. Тутъ ужъ Ванька, гуандирный сынъ, за себя постоялся. Богатыря его всегда обижало, да еще и жаловалось своему батьку,

(*) Варнага, варнага — разбойникъ.

а каждая жалоба стоила „скубнѣ“ невинному „хлопчику“. Вотъ и заманулъ этотъ хлопчикъ своего врага въ тихое мѣстечко, за кудну, въ рѣпяхъ прятать; выждалъ минутку, когда богатцы стояли къ нему задомъ; живо наварилъ сухихъ рѣпяховъ — и заложилъ ихъ ему за спину за сорочку... Богатыря завизжалъ, затанцовалъ, и съ крикомъ побѣждалъ домой — а мститель слѣдилъ за нимъ изъ-за угла; глаза его горѣли, и грудь вздымалась... Когда Кузьма подосадовалъ богатскую свинью — видѣлъ это лисый Лазарь, проходившій по полю — и торопливо прошолъ мимо; когда гуандиренокъ закладываетъ богатыренку за шею рѣпяхи — все видѣла въ око старая баба Варька — и непошлостью, даже присѣла на лавку, чтобы ей невидѣло было... Много яду собралось противъ богатцы...

Весною хуторяне много терпѣли отъ его надобности и надменной гордости. Кузьма много терпѣлъ отъ безпріятности. Онъ жаловался хуторянамъ и просилъ помощи. Гуандирна въ отвѣтъ, Богъ ее знаетъ зачѣмъ, напомнила какъ его обижалъ и ругалъ богатцы, — смѣялась и какъ то чудно смотрѣла ему въ лицо... У Варвары Курносой она просила помощи ему сорочку, надѣвать на него. И Варвара Курносая засмѣялась: „за что я тобі буду мыты? шоты намъ таке зробишь? ба!.. Якъ бы справді шот зробишь?“ Горько стало Кузьмѣ; никто ему не помогать въ сиротствѣ. „Шот зробишь?“ Развѣ мало что онъ сколько дѣтъ цаетъ ихъ скотину? что смотритъ за нею какъ за своею все равно?... Что же имъ еще пужно, хуторянамъ, отъ него, Кузьмы? Что онъ имъ долженъ сдѣлать, чтобы его только приласкали, дали свитку, теплый уголь?..

Горько задумался Кузьма... и думалъ онъ долго...

Юнь стоялъ на исходѣ. Вишни въ садку у богатцы закраснѣли, и во дворѣ уже точились косы, выстругивались граблина. Грыньцо и два наймита готовились выѣзжать въ поле, — жила поспѣло; жара и сушь шибко его подогнали. Богатырь ходилъ вездѣ и впередъ и понакулъ работничковъ... Подлѣ вечера во дворѣ завывалъ дымокъ... Первый услышалъ Грыньцо. „Тату, шось воня!“ — обратился онъ къ батькѣ, а самъ поднялъ носъ вверхъ и сталъ разнюхивать. Попахивало и богатырь — „хѣба вечерю ты рано такъ готове — ватра, бачъ, вѣсьм у поле!“ — проговорилъ онъ, сдвинувъ плечами. Тѣмъ нѣтъ: дымокъ тянуло какъ будто отъ пашки — „хѣба це батько на пашкѣ?..“ — началъ богатырь, но недоумовалъ, вскрикнулъ и бросился до пашки: тамъ сіялъ огонь... Богатырю готовились вечера, да только такая, какой онъ и не ожидалъ. Черезъ минуту на хуторѣ все заблѣгло, засуетилось... дѣти плакали... бабы выносили скарбъ... Вѣдѣ пожара! у богатцы горѣтъ дѣла... Чорный дымъ раскидывается надъ хуторомъ; дѣла въ садку трещатъ и аисты на нихъ свертываются, морщатся и сохнутъ; недостѣлыя вишни раздуваются и допекаются на огнѣ... „Ратуйте, ратуйте хто въ Бога вірує!“ — кричалъ потерявшій голову богатырь... Принесли ведро; заграбли всѣхъ свободныхъ лошадей и на возы ввалили бочки, какія только были на хуторѣ не разсохшимъ отъ жары, — скоро все дѣлалось, да только все не такъ какъ въ прошломъ году, когда горѣлъ лисый Лазарь... Нѣтъ, нѣтъ, не такъ, и это многие хуторяне замѣтили... „Визволяйте, брацц, визволяйте!“ — вѣжно да

матко поощрять богатцы хуторяны. Тѣ старались, по говору, что всегда бываетъ на пожарахъ, слышно было мало; всѣ дѣлали какъ то молча... Богатырю это даже бросилось въ глаза, даромъ что онъ былъ такъ въ чадѣ. „Шо вы все мовчѣ!“ — повторилъ онъ, обращаясь къ тому, то къ другому мужику... „А по якъ тутъ балакать? балакать нічого!“ — подлѣ носъ себѣ мурчалъ лисый Лазарь, вознившій воду на своей рыжей кобылѣ, которую богатырь частенько-таки прежде отгонялъ колякой отъ пашенскаго ставка. А немного позже, въ самый разгаръ, когда воды только подлѣ да подлѣ, онъ ухитрился всѣхъ: остановился съ бочкой на серединѣ улицы, и медленно, чуть-чуть передвигая руками, сталъ поить изъ бочки свою „пашку“, уже раннее влопа понапую, — сталъ поить и съ ядовитостью приговаривать: „хочѣ теперь напою вволю, — видѣ ставка женьчѣ... Тамъ, бачъ, вода дорога!“ Богатырь отвернулся; но и вездѣ онъ услышалъ замѣчать что-нибудь неподходящее такое, неприятное для себя. Баба Варька выгнала свою птицу и стала е поить въ корытѣ, а та вода была приговорена для тушенія. „Бисова баба, найшла воды птицю напавать!“ — возновался богатырь; а въ уголокъ онъ увидѣлъ какъ Ванька Гуандирный подбрасывалъ въ огонь соломины и пѣлъ картишки... Богатырь хотѣлъ было схватить его за волосы, но только лишь замѣтилъ: „тети! не бадуйся, чортна!“..

На крышѣ кто то изъ молодыхъ такъ воодушевлялъ тушившихся: „сидку зроби на дѣсяті! работа-ай!“.. Все слышалъ богатырь...

Въ суетѣ и забыли о скотинѣ; теперь только вспомнили. Бабы хотѣли

послать кого, нибудь въ поле — накачать Кузьмѣ, чтобы тамъ и почесалъ, въ хлѣбъ загонять товаръ опасно, — пожаръ, а кто его знаетъ какъ еще будетъ вѣтеръ; но это было не къ чему: кто то изъ парубковъ пришолъ и сказалъ, что товаръ уже дома, за огородами... Что же онъ такъ рано? еще и солнце не сѣло, — а уже съ поля Кузьма вернулася?.. Прежде съ нимъ этого никогда не было...

Поздно вечеромъ не было потушено; кузница сгорѣла, но другого ничего не тронуло... На улицѣ стояли кучками хуторянскіе парубки и толковали между собой — отчего сгорѣла богатскаго кузница?.. А баба Варька хлопотала на всю улицу — зачѣмъ сегодня такъ рано товаръ пригнали! и сегодня ея корова вернулася съ поля совсѣмъ безъ молока! Пашки пожара на хуторѣ ничего не изменилось; только Кузьма сталъ ходить въ чистой сорочкѣ и носить на полѣ узѣ не одинъ сухой хлѣбъ и цибулю, но и кнѣзю, а подлѣ чаетъ такъ и пироги... „Люба!“ — дѣсь найшлась у Кузьмы — смѣялись ему парубки... Найшлась, да еще какаа!..

А вотъ ужъ и другая весна. Земля еще чорная. Жаворонокъ еще ни разу не пѣлъ и въ поляхъ тишина мертвая. Только на хуторѣ неспокойно; тамъ говоръ и возня. Много людей согнано къ богатырю; и пашенскіе люди, и хуторяне тутъ. Одни таскаютъ бревна, готовыя кровки, другіе кладутъ ихъ на дроги и куда-то везутъ... далеко, за хуторъ. Богатырь грошей не даетъ, но щедро одѣлаетъ горлышко. Старики молчатъ и хмурятся, хотѣ и вышвырнуть парубки откусываютъ злая шуточки. И Кузьма тутъ, онъ участвуетъ въ

(*) Люба — любовь, или точнѣе — любимая женщина.

работѣ, — въ перевозкѣ дерева для клуны. Онъ какъ-то бодрѣе противъ прежняго. Парубки почему-то и тутъ даже съ него смѣются. „Отъ такъ Кузьма! слышеть говору: и вѣтъ тутъ? оцѣ!.. бачъ якъ, бачъ якъ! отако! усерднѣше отъ усіхъ!.. ха, ха!“.. Голоса прерываетъ богатырь: „А що-жъ? хѣба якъ пастухъ, такъ большѣ нічого й неможє?“ Кто-то въ отвѣтъ: „Та хѣба ми о тімъ!“.. Съ воза обрывается смолотъ и загудѣла дальше... Выпавшіе старики тоже подлѣ носъ себѣ, „бубонѣть!“.. „У степѣ утіа... накинута!“.. „Нажнута, накинута!“.. Знайдучи такі ліхі люди... „А то-жъ хѣба й ш“?..

Черезъ мѣсяць въ лощинѣ на степку

